

сказать, что уже позже, будучи старушкой, я случайно накопила характеристику моего выпускного листа: «Острохарактерная актриса, может играть старух и детей». Мальчишки, девчонки. Что я, собственно говоря, всю жизнь и делала. И мне это нравилось.

«Время любить», «Светят звезды»... В последнем, кстати, играли Сергей и его брат Николай Боярские, отец и дядя Миши Боярского. И Мишка из-за кулис подсматривал спектакль.

В последний раз я выходила на сцену в Театре Ленсовета в спектакле «Оскар и Розовая дама», такой подарок на 70-летие, спасибо Владиславу Пази (до 2006 года - худрук театра Ленсовета. - Ред.). В БДТ уже меньше играла - возрастной регистр. Это был мой последний вздох в этом замечательном, соразмерном моим физическим возможностям театре. Все записано в дипломе: играет старух и детей.

- Как произошла судьбоносная встреча с Игорем Владимировым? (Муж Алисы Фрейндлих, главный режиссер Театра Ленсовета в те годы. - Ред.)

- Во время блокады я чуть не померла, у меня образовался туберкулезный процесс. Была очень занята в театре Комиссаржевской со своими мальчишками и девчонками, но пришлось уехать в санаторий и меня самым жестоким образом выгнали из театра. Игорь Петрович в это время принял Театр Ленсовета. Я лечилась, а он поблизости отдыхал, и вот он совершал длинные пешие прогулки, чтобы меня навестить. И как-то сказал: у тебя все равно уже нет театра, приходи в Ленсовета. И одна за другой у меня пошли роли девчонок, одна за другой. Тот же «Малыш и Карлсон».

- А позже сыграли деревенскую бабушку в фильме «Карп отморозенный», где продюсером был ваш внук Никита Владимиров.

- Амплуа это и заключает в свои параметры.

- В «Пигмалионе» ваша героиня превращалась из цветочницы в аристократку. Потом в «Служебном романе» - из дурнушки в королеву красоты. Не только старухи!

- Меня спрашивали: если вас обозначили как острохарактерную актрису, почему Владимиров стал давать вам главные роли героинь - в «Пигмалионе», «Ромео и Джульетте», «Укрощении строптивой»? Я доверяла ему полно-

стью и повторяла его слова: «В каждой роли, которую ты получаешь абсолютно вопреки твоему послужному списку, есть ребенок». Он вытаскивал из меня детское. В «Укрощении» я ребенок, и в Джульетте ребенок, вот на это он сделал ставку. И спектакль «Мой бедный Марат» был основан на детской непосредственности героини.

- А еще в театре появился композитор Геннадий Гладков, а с ним музыкальные спектакли.

- Игорь Петрович увидел «Бременских музыкантов» и обалдел от прелестной совершенно музыки. Пригласил Гладкова в театр, посадил за рояль и сказал: «Не выйдешь из этой комнаты, пока не сочинишь». И Гладков написал «Укрощение строптивой». С этого все и началось.

Гладков долго с нами сотрудничал, он перевернул Театр Ленсовета. Считаю, Владимиров был первым, поставил мюзиклы еще до того, как... В общем, раньше Захарова. Игорь Петрович первым начал делать первые отечественные музыкальные спектакли. Когда его спрашивали, почему он не ставит уже го-

товые существующие мюзиклы, как на Западе, например «Моя прекрасная леди», он отвечал: «Это сочинение чужое и для режиссера, и для композиторов, и для актеров. Надо сочинять свое». У нас было много прелестных музыкальных спектаклей: «Трехгрошовая опера», «Дульсинея Тобосская», «Люди и страсти», «Трубадур и его друзья», «Левша». Зрители это обожают. Он сам очень музыкальный человек, хотя пел абсолютно фальшиво!

- Вам повезло, вы сыграли много современных тогда героинь.

- Это и везение, и необычайное доверие Игоря Петровича. И моя бесшабашность. Он был человеком с юмором, а мне это было всегда симпатично, он пытался вытаскивать из меня всяческое озорство. У него было большое доверие к актеру. Веселый нрав, его потрясающее чувство юмора заставляли нас соответствовать ему, шалить на сцене. Он позволял актерскую вольность на репетициях.

- Вам хотелось сыграть не характерные роли?

- Очень хотелось! Я просила: подыщите мне какую-нибудь стервочку! Так появилась Филаретова в спектакле «Спешите делать добро», он доставил мне огромное удовольствие.

Своему супругу доверяла полностью. И играла, как говорил Владимиров, вытаскивая из себя ребенка.

ПРИЗНАЛИ НЕКИНОГЕНИЧНОЙ

■ Роль Калугиной пришла после театральных успехов.

- Расскажите о ваших первых киноролях - «Повесть о молодоженах», «Полосатый рейс», «Соломенная шляпка»...

- Что про это рассказывать-то? О моем разочаровании, когда меня приглашали? Я была признана некиногеничной. И в кино со мной стали возиться только тогда, когда что-то более-менее значительное было сделано в театре. Потому что со мной нужно было именно возиться! Был такой замечательный оператор Маранджян на «Ленфильме», я не помню сейчас, какой фильм снимали, он сказал: «Ты запомни, пожалуйста, тебе надо светить в лоб. И больше никуда, только в лоб». И я, как балда, каждому следующему оператору говорила: «Светите мне, пожалуйста, в лоб». Потихонечку привыкли к моей некиногеничности. В «Служебном романе» оператор Нахабцев очень аккуратно снимал.

- Как познакомились с Рязановым?

- У нашего театра были гастроли в Москве. Рязанов посмотрел, и ему пришла в голову идея поснимать меня в кино, в «Служебном романе». Пьеса называлась «Служивцы», она шла в ленинградском Театре комедии, там чудно играла Олечка Волкова. Она потом была в большом недоумении, что снималась не она, а я вдруг. Но Эльдар Александрович был просто впечатлен гастроллями. Ему так понравились «Малыш и Карлсон» и еще какие-то озорные спектакли.

- Как Игорь Петрович к этому отнесся?

- Он не отпускал меня на съемки! Только в свободное время. Я иногда целую неделю проводила в «Стреле» (поезд «Красная стрела». - Ред.): играла спектакль, ночь в поезде, съемки в Москве, опять ночь в «Стреле»... И так всю неделю. В какой-то момент появился некоторый блат, и мне стали давать отдельное купе, оно принадлежало проводникам, чтобы я хотя бы выпалась. И однажды я так выпалась, что уехала на товарную. Купе проводников было закрыто, и никто не посмотрел, что там еще лежит какой-то «товар»!

- Рязанов помог создать роль Калугиной или вы сами так идеально сыграли?

ГЛАВНЫЙ ДУБЛЬ

В «Служебном романе» страна увидела элегантное перевоплощение артистки.

- Рязанов, как и Игорь Петрович, - озорник. Прекрасно знал актерские «манки». И Владимиров умел создать такую атмосферу, и Рязанов создавал на съемочной площадке атмосферу театра, знал, что мне, театральной актрисе, надо соблюдать последовательность жизни героини на экране, как это необходимо на сцене. Чтобы актеры раскрепостились и сами стали приносить что-то свое. Такое со-творчество.

- Костюмы в «Служебном романе» кто выбирал?

- Что-то вместе... Пока моя героиня была замухрышкой, мы ходили с Рязановым по костюмерной на «Мосфильме», где миллионы этих костюмчиков. И брали что-то такое, не затрапезное. Неженственное.

- В моду вошло тогда платье, как у вас, в клеточку, с большим воротником.

- Что касается платья в клеточку, не я сочиняла. Вот вечернее... У меня было платьице, и я пришла в нем на репетицию, показать. И мне сшили такое же, но из другой ткани.

- А в «Трех мушкетерах» режиссер Юнгвальд-Хилькевич помогал вам создавать образ вашей прекрасной королевы Анны Австрийской?

- Безусловно. Я без режиссера вообще ничего не могу сделать, полный ноль. Мне кажется, что я блуждаю в темном лесу, пока режиссер не поставит какие-то вешки или чем-то не заманит интересным. Но я всегда была с режиссером в сотворчестве.

И Анна Австрийская, и острая на язык бабушка - диапазон ролей очень широк.